
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В XXI в.: ИНВОЛЮЦИЯ ИЛИ НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Спиридонова В. И.*

В статье анализируется процесс современной трансформации феномена глобализации. Точки зрения на данный процесс варьируют от инволюции, обозначаемой как «деглобализация», до предложений по корректировке глобального проекта в частных его проявлениях. В западной интеллектуальной традиции преобладают две модели – американская и европейская. Американский проект отстаивает идею однополярного мира, предлагая универсальный общечеловеческий паттерн мирового развития, принимающий вид американской гегемонии, которая именуется «внетерриториальной империей», «империей без колоний». Европейские интеллектуалы в качестве корректирующей позиции предлагают тезисы «морального сообщества» и «реконструктивной идентичности». Несмотря на определенные расхождения, авторы сходятся на том, что грядущее мировое сообщество не будет носить «блоково-идеологический» характер.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, цивилизация, мировая интеграция, гегемония, империя, «моральное сообщество», «реконструктивная идентичность».

The article considers the process of modern transformation of the phenomenon of globalization. Some of social researchers evaluate it as the involution and designate as 'deglobalization'. Others propose to correct the global project in separate parts. In the Western intellectual tradition there predominate two models: the American and the European one. The American project supports the idea of the unipolar world and puts forward a universal pattern of world development for all the peoples and nations which takes the form of the American hegemony, so called 'the empire without external territories' or 'the empire without colonies'. The Europeans propose to correct the American position and promote the thesis of 'moral community' and the 'reconstructive identity'. In spite of some discrepancies all of them agree that the forthcoming world community will not be 'block ideological' one.

Keywords: globalization, deglobalization, civilization, world integration, hegemony, empire, 'moral community', 'reconstructive identity'.

Целый ряд крупных геополитических событий последних лет (возросший экономический авторитет Китая, военно-политическое усиление России, экономический подъем государств-цивилизаций Индии и Бразилии, а также Brexit и ряд инцидентов подобного рода) заставляет по-новому взглянуть на феномен глобализации. Спектр мнений колеблется от радикального утверждения об инверсии глобализации до умеренной позиции, предлагающей ряд вариативных изменений,

* Спиридонова Валерия Игоревна – д. ф. н., главный научный сотрудник, заведующая сектором философских проблем политики Института философии РАН. E-mail: vspirid@yandex.ru.

не подвергающих сомнению ее суть как объединяющего общечеловеческого движения. Высказывания первого рода представляют современное состояние дел началом процесса деглобализации. Представители второй точки зрения концентрируются на выработке проектов глобального развития, корректирующих доминирующую до сего времени концепцию нового мирового порядка, возглавляемого США.

Начало конца глобализации, или «II акт глобализации»

Термин «глобализация» был введен в обращение с начала 1980-х гг. экономистами, но уже после окончания холодной войны занял центральное место во всех общественных науках. Разные отрасли сконцентрировались на отдельных аспектах глобализации, далеких от экономико-финансовой сферы и международной торговли, создавая, таким образом, целостную концепцию, оформляющуюся в новый проект мирового развития и даже новую идеологию. Политическая наука обратилась к анализу «конца эпохи территорий» (Бертран Бади), социология занялась изучением «глобальных городов» (Саския Сассен), «сетевое общество» (Мануэль Кастельс), «островной экономики» (Пьер Вельц); антропология сосредоточила усилия на «ничейных пространствах» (Марк Оже) и возникновении индивидуальных или коллективных идентичностей в меняющихся условиях городской среды (Мишель Ажье).

Исследователи полагали, что в 1990-х гг. была открыта «новая фаза развития мира – высшая – фаза унификации планеты» [Weinberg 2017]. Великие трансформации конца XX в. – падение Берлинской стены, крах СССР, ликвидация блоковой структуры мира – расчистили дорогу новому мировому порядку под эгидой США, мировой сверхдержавы. За унификацией экономики и политики последовала информационная революция – Мировая паутина была создана в 1990 г. Возникло новое пространство коммуникации – киберпространство. И вот в 2016 г. Brexit, отказ от Транстихоокеанского партнерства, строительство Мексиканской, а затем Венгерской стен стали отчетливыми символами поворота, которому сопутствовало появление новых центров силы – Китая, Турции, России. Эпицентр мира стал медленно сдвигаться с севера на юг и с запада на восток [*Ibid.*]. Как было отмечено западными экспертами, этот поворот рикошетом ударил по первоначальному глобализационному импульсу – капиталу и финансам, подводя черту под первым актом глобализации. Объем мировых транзакций с 2006 г. упал в 10 раз и вернулся к уровню 1989 г. [Chavagneux 2017].

Одновременно заговорили о таком новом явлении, как «деоксидентализация глобализации», то есть о том, что европейский образец более не является универсальным общечеловеческим паттерном мирового развития. «Начавшаяся деглобализация в действительности представляет собой деоксидентализацию глобализации... Не существует деглобализации в собственном смысле слова... Отсюда и то болезненное чувство, которое испытывает Запад, а также чувство упадка, потому что европейцы совсем ничего не контролируют... Китайцы управляются намного лучше нас с нашими собственными орудиями труда!» – пишет геополитик Мишель Фуше, получивший широкую известность во Франции своими аналитическими статьями в еженедельниках и центральных газетах [Foucher 2017].

Дело в том, считают французские исследователи, что в странах незападного мира универсалистский проект глобального управления воспринимается как нео-

империалистический проект, который направлен против независимости национальных государств. Этот акцент особенно усилился после войны в Югославии, Ираке и Ливии. Мир еще очень далек от «благостной глобализации» («mondialisation heureuse»), как обозначают на Западе все преимущества интеграционного всемирного движения. «Массовое потребление, современные средства коммуникации, социальные сети, спутниковая связь, конечно, способствуют стандартизации некоторых поведенческих образцов, но они не могут породить сколько-нибудь значительные ценности и общую идентичность, а значит, не могут создать мировое общество, которое заменило бы государства-нации», – замечает в статье «Глобализация под вопросом и судьба Запада» Александр дель Валь [Valle 2014: 32], геополитик и преподаватель La Rochelle Business School (Франция). Глобализация не может заменить идентичности.

К тому же, как свидетельствует в книге «Конец глобализации» [Lenglet 2013] Франсуа Лангле, профессор экономики Университета Сен-Сир (Франция), современное общество предпочитает защищенность свободе, что отмечается даже в западных либеральных демократиях. Он констатирует факты роста ренационализации финансов во всем мире, сокращение транснациональных потоков и возвращение к контролю над капиталами. Растет критика идей свободного обмена и набирает силу реабилитация суверенитета государств-наций. Все это, заключает Лангле, свидетельствует о завершении эры «счастливой глобализации» и о начале деглобализации.

В то же время отмечается, что самая серьезная геополитическая и стратегическая угроза Западу исходит не извне, а изнутри. Она есть следствие цивилизационной и идентификационной дезориентации, утраты доверия к себе. Такое «лишение корней» – плод чрезмерного политического универсализма, который постулирует, что идентичность плоха сама по себе. Она также усиливается синдромом вины, который распространился в европейских странах после крушения колониальной системы. «Комплекс вины и самодискредитация являются фатальным оружием, которое убивает нацию, погруженную в самобичевание, и оттого не способную защищаться. Этот комплекс особенно разрушителен для христианских народов в отличие от исламского мира и исповедующих конфуцианство... Нельзя судить прошлое с точки зрения настоящего... Это иррационально, юридически несправедливо и стратегически самоубийственно. Ни одно общество не может выжить, не имея гордости за свою историю» [Valle 2014: 39].

Критика современного состояния глобального мира, однако, не означает решительного отказа от объединительного общечеловеческого проекта. На фоне реальных трансформаций в поле международной политики формируются разные варианты и предложения по грядущему мироустройству. Помимо уже известного американского видения мирового порядка существует и европейский взгляд, который реабилитирует значимость моральных ценностей и отвергает строго техницистский и формально-правовой фундамент жизнеустройства человеческого универсума.

Региональные разночтения в трактовке глобализации

Как уже было сказано, после периода биполярного мира и холодной войны в 1990-х гг. сформировался однополярный мир с явным доминированием США, который ныне находится в процессе трансформации. Однако абрис и атрибуты

нового миропорядка еще далеки от окончательного утверждения, и потому важным является анализ тех исходных параметров, которые могут предшествовать новой мировой матрице. К настоящему времени мы имеем два коренных образца – американский и европейский, которые до сих пор определяют характеристики глобализации. Без сомнения, они, видоизменяясь, продолжают влиять на все процессы. Прошлое всегда определяет настоящее, и его печать тем более сильна, когда уходящая натура еще не стала свершившимся прошлым. Поэтому у нас есть уникальная возможность увидеть те тенденции, которые будут определять ближайшие перспективы мирового развития.

Американская гегемония, или «позитивная мировая империя»

Попытки оправдания американского мирового господства в последние годы шли по пути поиска новой терминологии. Некоторые авторы называли такое положение дел гегемонией, однако все чаще предлагалась исторически апробированная категория империи. Таковой стала в определенном смысле собирательная конструкция авторов известного труда «Империя» М. Хардта и А. Негри [2004]. В качестве своей главной задачи они поставили очищение этого многовекового концепта от империалистического смыслового акцента и связанного с ним феномена колониализма.

Империя рассматривается авторами в духе теории «ультраимпериализма» К. Каутского, который полагал, что капитализм способен изнутри преодолеть свои антагонизмы. Некогда немецкий историк доказывал, что процессы монополизации создадут «мировой трест», который должен умерить агрессию, преодолеть экспансионистскую природу империализма. Именно в таком ключе М. Хардт и А. Негри переосмысливают высшее предназначение новой – американской – Империи. Ее главное призвание, как заявляют они, – утверждение мира и справедливости в масштабах всей планеты. В этом состоит ее неоспоримая моральная ценность. Именно американская Империя наследует идею И. Канта о «вечном мире», только она способна ее реализовать, что ставит саму концепцию такой Империи в ряд высочайших моральных достижений.

Реализацию идеи мира делает возможной глобализация, прежде всего такие ее характеристики, как детерриториальность и открытость пространства. «Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы и преграды. Это – децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы», – пишут М. Хардт и А. Негри [Там же: 12].

Понятие детерриториальности становится одним из главных аргументов в пользу неимпериалистичности новой американской Империи. Ведь колониальная структура подразумевала наличие метрополии, центра и периферии, которую центр эксплуатирует. Качество детерриториальности означает прежде всего то, что центра власти не существует. Власть везде – и она нигде. Такой аргумент внешне выглядит убедительно, особенно потому, что властное влияние сегодня строится по сетевому принципу. К тому же здесь на помощь авторам приходит концепция ризомы, предложенная Ж. Делёзом. Это известная метафора корневища, которое распространяется горизонтально и пускает ростки в любом месте.

Сегодня ризоматическая система представлена в виде сети коммуникаций. В ней нет доминирующего центра. Все точки и узлы ее связаны между собой. Эта концепция, как известно, противостоит идее дерева как вертикального символа власти. М. Хардт и А. Негри утверждают, что идея «сетевой власти» заложена уже в самой Конституции США, которая определяет характер власти как имманентный народу. Это коренным образом отличается от трансцендентной модели власти, которую породила, в частности, европейская культура. Ее продолжением стали империализм и колониализм, насаждавшие власть метрополии колониям. Это была вертикальная, несетевая структура власти. Американская модель по своему своему рождению избавлена от такого греха. Еще А. де Токвиль писал, что «народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной. Он – начало и конец всему существу; все исходит от него и все возвращается к нему» [Токвиль 1992]. Таковы исторические и культурные истоки нового американского порядка, которые, развиваясь, привели к сетевой модели власти внутри самих США, а теперь Америка, как пишут М. Харт и А. Негри, призвана подарить эту модель миру.

Вторая сторона детерриториальности и, соответственно, новое качество Империи – это так называемая «открытость пространства», его безграничность. Старая европейская формула суверенитета, реализованная в идее национального государства, начиная с XVI в. предполагала закрытость территории. Границы охранялись суверенным правительством. Идея Империи предполагает логику бесконечной экспансии, постоянно отодвигаемого фронта. М. Хардт и А. Негри отмечают, что американская история связана с идеей свободной территории, вернее, территории, которую можно осваивать и свободно перемещаться по ней в рамках открытого и непрерывного процесса экспансии. Эта территория, пишут они, должна быть очищена от коренных жителей. Они должны быть удалены, чтобы открыть пространства и сделать экспансию возможной. Американский народ – это «народ *исхода*, заселяющий пустые (или очищенные) новые территории» [Хардт, Негри 2004: 164]. Более того, современная идея Империи соответствует, считают авторы, исходной логике американской Конституции с ее концепцией расширяющейся Империи. «Конституция США, как сказал Джефферсон, лучше всего приспособлена для расширяющейся Империи» [Там же: 174]. На этом основании делается вывод о том, что сегодня «мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта в открытое пространство имперского суверенитета» [Там же].

Критики труда американских авторов справедливо обвиняют их в определенной ангажированности по отношению к экспансионистскому американскому курсу последних лет, нацеленному на мировое доминирование [Амир]. В частности, отмечается, что после выхода в свет книги М. Хардта и А. Негри они были обласканы официальной прессой. «В Объединенном Королевстве *New Statesman* напечатал интервью с А. Негри под заголовком “Левые должны любить глобализацию”». В Соединенных Штатах обозреватель *New York Times* Эмили Эйкин приветствовала “Империю” как “новую большую идею”, объявив появление столь необходимого “великого нарратива” важным для преодоления “глубокого пессимизма”, “банальности”, “кризиса” и “пустоты”, которые характеризовали человечество в последние десятилетия. “Империя” А. Негри, как книга, так и концепция, была хорошей новостью для всех, возвещая период, который является “огромным ис-

торическим улучшением по сравнению со старой международной системой и империализмом», – пишет Башир Абу-Мане, один из участников симпозиума «Империя и американский империализм», прошедшего в 2002 г. в Великобритании [Абу-Мане].

На самом деле М. Хардт и А. Негри настойчиво уклоняются от политико-экономического анализа современных имперских реалий, от анализа условий для накопления капитала имперскими центрами и концентрируются на общих причинах, якобы лежащих в основании их деятельности. В частности, используя качественные трансформации современного капитализма, такие как возможность наднационального и экстерриториального управления корпорациями, они тем самым «очищают» главного гегемона современности от греха империализма. Нет прямого территориального захвата – нет и эксплуатации. Довод, кажущийся убедительным. На самом деле механизмы эксплуатации усложнились. Как замечает С. Амин, контроль над господствующими секторами капитала «остаётся в руках финансовых групп с четкой национальной привязкой (то есть базирующихся в США или Великобритании или Германии)... Более того, экономическое воспроизводство системы сегодня, как и вчера, немыслимо без параллельного осуществления “политики”, ее корректирующей» [Les ressources...]. Детерриториальность вовсе не отменяет господствующей роли этих центров, а только маскирует ее. За ней скрывается желание воспользоваться ресурсами иных государств, объявив их деятельность неэффективной и продвигая тезис о том, что в глобальном мире ресурсы принадлежат «глобальному человечеству» [Ibid.; Descola 2008; Bien commun].

Очевидно, что коррозия американского восприятия мира будет происходить медленно и влияние США как стратегически самой сильной державы современного мира будет огромным. А потому важно проанализировать если не альтернативные, то корректирующие взгляды на глобализацию и ее дальнейшую эволюцию, которые представлены в трудах европейцев. Мыслители Старого Света переносят акцент на этические аспекты глобальной трансформации мира и не отрекаются от аргументов в защиту возрождения суверенитета государств-наций – процесса, который, по всей видимости, будет определять контуры нового мира.

Европейский проект мировой интеграции как проект «морального сообщества» и «реконструктивной идентичности»

В основе американского политического либерализма лежит плюрализм. Этот принцип выглядит адекватным американским реалиям, которые объединяют совершенно разных индивидов – разных по культуре, ценностям, интересам, религиозным убеждениям. Для интеграции столь многоликих по мировоззрениям людей нужен какой-нибудь нейтральный показатель. И его в свое время четко сформулировал Дж. Роулз – это формальный принцип нормы, нормы права. Примечательно, что для Роулза эталон права выходит за индивидуальные рамки и остается действенным также для более широких сообществ, таких как *народы*, призванные жить вместе. Таким образом, уже у Роулза в зародыше присутствует глобальное измерение политики, оправдывающее создание подобной структуры в глобальном масштабе.

Европейские теоретики называют такой подход «чистым политическим либерализмом». Они полагают, что политическая теория должна опираться на кон-

кретные культуры отдельных обществ, а не злоупотреблять пристрастием к абстракциям. Реалии европейской жизни подтверждают такое заключение: то, на чем стоят США, как оказалось, совершенно не работает в Европе, чему свидетельство – последствия политики мультикультурализма. Основу ее составляет индивидуализм, который рассматривается как право выбирать между различными конфликтными интересами и противоположными мнениями. В свое время М. Вебер увидел драматический аспект такого подхода, который не способен найти примирения между конфликтом «наших» ценностей и ценностей «каждого», и назвал его «войной богов». Именно такую картину мы наблюдаем сегодня в Европе, и неразрешимость названной дилеммы начинают осознавать все больше европейских интеллектуалов.

Дело в том, что у Европы совсем другая история. В отличие от Америки национальные государства, составляющие исторический фундамент европейского общества, формировались на социально-культурном основании. Нация – это прежде всего «моральное сообщество» («*communauté morale*») [Ferry 1998], которое позволяет решать конфликты на основании общих, то есть разделяемых всеми живущими на одной территории, ценностей. Вне такого морального сообщества не может быть политического сообщества, эффективной и конкретной реализации справедливости, утверждает известный французский философ Жан-Марк Ферри [Ibid.]. Все той же справедливости ради следует сказать, что Дж. Роулз говорит о формировании в обществе общего либерально-демократического чувства, однако последнее для него остается частным делом каждого. И только «по счастливому стечению обстоятельств» частные ценности и убеждения могут совпасть с общими ценностями.

Европа сегодня стоит перед дилеммой: либо принять риск «постнационального расширения» и при этом отказаться от исторической памяти, убеждений и ценностей своих национальных государств, либо идти к подлинному сообществу граждан. ЕС, выбирая путь федерального государства, следует первому варианту политического сообщества, стоящего над нациями. Ж.-М. Ферри предлагает выбрать второй путь – путь постепенной кристаллизации так называемой «реконструктивной идентичности» [Ibid.], которая подразумевает выработку общих ценностей без отказа от собственных. Он признает, что для создания такой идентичности не обойтись без переоценки некоторых исторических событий, оставивших травматический след в коллективном сознании и потому являющихся препятствием для объединения наций.

История европейских войн и колонизаций создала много напряжений, конфликтов, претензий и недомолвок. Нельзя уничтожить прошлое, но, выражаясь метафорически, «объявив по нему траур», можно усилить ответственность людей и народов в настоящем. Для преодоления такого рода разногласий, для открытия публичного пространства и нужна реконструкция идентичности, самокритичное признание другого, его правды. В постмодернистской терминологии такой процесс называется «вторичным рассказом», или «вторичным повествованием», «вторичной нарративной», который позволяет рефлексивно преодолеть прежние идентичности, сформировавшиеся на основе прошлых дискурсов. Через «повторную нарративную» можно прийти к аутентичному настоящему. Именно в таком взаимном признании может выработаться общая европейская политическая культу-

ра, ценностная, «разделяемая всеми» европейская гражданственность, достойная этого имени.

Примерами такой «реконструкции идентичности», считает Ж.-М. Ферри, было поведение сначала ФРГ, а затем объединенной Германии в отношении жертв нацистского геноцида, американцев в отношении чернокожего населения, а также Франции в отношении режима Виши. Подобными событиями «реконструктивной этики» должны в дальнейшем стать жесты англичан в отношении жителей Тасмании, испанцев в отношении обитателей Патагонии, турок в отношении армян и т. п. Именно такие акты могут стать условиями принадлежности к новому политическому сообществу, которое сформирует Новую Европу, ее новую идентичность. В этом отношении символическим является жест взаимного признания вины Чехословакией и Германией накануне вступления в ЕС. Практики такого рода называются подлинно коммунитарными, в них рождаются квазикосмополитические отношения, и они могут способствовать возникновению «метанационального» политического сообщества. «Коммунитаристский ответ» открывает путь «новому социальному договору», в котором возможно сохранение индивидуальных свобод каждого гражданина мира.

В отличие от «метанационального сообщества» ядро прежней – «наднациональной» – стратегии глобализации составляла гомогенизация культурного пространства, которым намеревался управлять гегемон. Эту задачу выполняло информационное общество, в рамках которого насаждалось продвижение американского социально-культурного паттерна – превосходства американского образа жизни через тактику «мягкой силы». Ее сердцевину составлял принцип «воспитания и образования» – формирования «относительно гомогенного габитуса». Он подразумевал выработку у индивидов знаний, способностей, навыков и практик, одинаковых и независимых от их национальной принадлежности. Это так называемая система «экзовоспитания» (*un système «exoéducatif»*) [Ferry] – «внешнего воспитания», призванного вывести человека за пределы его родной культурной среды.

Ядро этой системы составляла медиакультура, которую продуцируют ТВ и киберпространство. Ее призванием было широкое, желательно планетарное, распространение так называемых «глобальных стилей жизни» («*global lifestyles*»), которые, по сути, есть калька с американских образцов. Как отмечают исследователи, эта новая «медиагическая» культура радикально отличается от традиционной европейской, которая была по преимуществу письменной культурой, культурой книги и текста. Она призвана разрушить эту традиционную культуру, которая являлась фундаментом европейских наций. Именно такая стратегия получила наименование «супранациональной», или наднациональной, стратегии интеграции населения. Однако сам по себе весьма поверхностный характер воздействия этой стратегии на формирование личности не способен создать подлинную солидарность людей, что и порождает эксцессы партикуляризма, а в крайних проявлениях – фундаментализма, которые множатся в современном мире.

Стратегия «супранационализма» призвана создать в конечном счете вовсе не новую планетарную общность, а сверхцентрализованную политическую систему регуляции и управления в масштабах всего человечества. Фактически она воспроизводит националистический принцип на наднациональном уровне. В таком новом «сверхнациональном» федеративном государстве уважение входящих

в него культурно-национальных образований неизбежно будет чисто риторическим.

Ж.-М. Ферри вслед за Ю. Хабермасом полагает: несмотря на то, что национальные государства в современном их виде сегодня уходят в прошлое, абрис нового состояния человечества не будет связан с формой Мирового государства. Скорее, следует говорить о некоем обретенном «космополитическом состоянии» (*un état cosmopolitique*), о «космополитической демократии» («*démocratie cosmopolitique*»).

Вторя Аристотелю, Ферри обращается к размышлению над такими формами макрополитического существования, как симполития и изополития. Симполития подразумевает объединение различных государств (или в древнегреческом формате – городов, полисов) в один большой Город. Политические элементы, составляющие изополитию, имеют сходную структуру, но при этом сохраняют суверенность и не сливаются полностью в единое пространство. Исходя из анализа этой типологии, для современного ЕС наиболее приемлемой формой общего существования должна стать именно изополития, потому что все государства, входящие в нее, подобны по форме (изополитичны). Это государства республиканского типа в кантовском смысле слова, то есть они являются правовыми государствами. Но если на уровне ЕС существует изополития, то ее нет на международном уровне, где многие государства имеют авторитарный и даже деспотический характер. А потому, если ЕС в его современном виде еще можно рассматривать как состояние, промежуточное между изополитией и симполитией, то этого никак нельзя сказать о состоянии дел на мировом уровне. Это является главным аргументом в пользу того, что не следует ожидать в скорой перспективе возникновения единого Мирового государства.

К этому аргументу, высказанному еще Ю. Хабермасом, французский философ добавляет одно весьма существенное соображение. Он обращает внимание на то, что даже у Канта, которого все единодушно признают предтечей современного европейского мира, нет понятия Мирового государства. Он указывает на различие двух немецких терминов – *Zustand* и *Staat*. Первый означает «состояние», и именно о нем пишет И. Кант, когда говорит о том, что мир должен с неизбежностью эволюционировать к такому «космополитическому состоянию», а вовсе не к Мировому государству.

Проблема Мирового государства, которая как будто бы порождается глобализацией, вызывает естественную настороженность прежде всего потому, что классическое определение государства через ассоциацию с монополией на господство, легитимное насилие, на высший суверенитет, естественно, предполагает лишение суверенности всех входящих в него частей. Именно такой абсолютный суверенитет, который реализует гегемон мирового процесса – США, и не устраивает современных европейских философов. Они предпочитают ему «систему разделенных суверенитетов», прообразом которой считается современный ЕС [Coment... 2001]. Но это означает, что в таком виде ЕС является моделью если не многополярного, то хотя бы «мультирегионального» («*multirégional*») мира. Именно она призвана уравновесить и умерить американскую ориентацию на гегемонистскую глобализацию.

* * *

Европейская версия грядущей эволюции глобального мира, хотя и отрицает прежнюю американскую модель, не отказывается окончательно от движения к общечеловеческому единению. Теоретические предположения европейских философов подтверждают реалии современности.

Процессы глобализации продолжаются, только отныне они принимают вид так называемой «глобализации снизу» («mondialisation par le bas») [Afrique...], для которой характерно перераспределение финансовых и трудовых ресурсов через миграционные потоки. Благодаря им перемещается огромное количество не только людей (порядка 230 млн по всей планете к 2000 г. – 75 % всей рабочей силы), но и капиталов, которые работающие пересылают в свои страны, поднимая и выравнивая уровень жизни. Продолжается культурная глобализация, получившая наименование «тихой глобализации» («mondialisation pacifique»), – передвижение в обратном направлении из городов в деревню и с севера на юг пенсионеров, нарастают также потоки туристов и студентов (1,2 млрд в 2014 г.). Это совершенно новый феномен для классического этапа глобализации. К этому необходимо добавить, что продолжает развиваться интернет-коммуникация. Сегодня 3,2 млрд людей (то есть каждый второй взрослый) считаются пользователями Сети. Все эти моменты продолжают оказывать совокупный интегрирующий эффект на человечество.

Однако прежняя мировая роль США как гегемона глобализации размывается, и, хотя Америка по-прежнему остается стратегически самой сильной страной мира, она уже не может быть всемирным «вождем» человечества. Мир более не является однополярным, а США более не в силах им управлять. «После Сирии и возобновления израильско-палестинского конфликта, а также после проявления Китая, России, инцидентов с Мексикой и Украиной, стало очевидным, что США отныне не в состоянии навязывать свою волю мировому сообществу», – пишет французский геополитик Паскаль Бонифас [Boniface 2017].

Сегодня мы проходим новую точку бифуркации, и очевидно, что у складывающегося нового миропорядка уже обозначилась одна важная особенность. Главный акцент переносится в область *национального суверенитета*. Ведущими в новом миропорядке, по крайней мере на первом этапе его формирования, будут национальные интересы, смыслы и цели. При этом оптимистический настрой рождает надежда на то, что грядущая многополярность не будет уже «блоково-идеологической», как это было в прошлом веке.

Литература

Абу-Мане Б. Иллюзии империи [Электронный ресурс]. URL: http://left.ru/2004/10/abu_manneh109.html (дата обращения: 25.02.2017).

Амир С. «Империя» и «Множество». Постимпериалистическая Империя или новая экспансия империализма? [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_593.html (дата обращения: 14.02.2017).

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/tokvill/chapt01.html>.

Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.

Afrique du Nord, Moyen-Orient, Turquie et Golfe. 36-ème Congrès des Migration [Электронный ресурс]. URL: www.fidh.org/IMG/pdf/ANMO_fr.pdf (дата обращения: 11.01.2018).

Bien commun. Dictionnaires et Encyclopédies sur 'Academic' [Электронный ресурс]. URL: <http://fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/212670> (дата обращения: 12.02.2017).

Boniface P. Le monde unipolaire n'existe plus // Sciences humaines. 2017. Nr. 3(290). P. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/magazine-sciences-humaines-2017-3-page-3.htm> (дата обращения: 11.01.2018).

Comment articuler mondialisation, Europe, Etats-Nations et idéaux républicains. Conversation avec Jean-Marc Ferry // Toudi mensuel. 2001. Nr. 36–37 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/comment-articuler-mondialisation-europe-etats-nations-et-ideaux-republicains> (дата обращения: 25.01.15).

Chavagneux Ch. (coord.). La fin de la mondialisation? // Alternatives économiques. 2017. Nr. 364 (janvier).

Descola Ph. A qui appartient la nature? // La Vie des idées. 2008, 21 janvier; Le bien commun [Электронный ресурс]. URL: <http://voiretagir.org/BIEN-COMMUN-LE.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Ferry J.-M. Identité postnationale et identité reconstructive // Toudi mensuel. 1998. Nr. 11, mai [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive> (дата обращения: 28.01.2017).

Foucher M. Vers la fin du monde démondialisé // Le un. 2017. Nr. 136. Mercredi, 4 janvier.

Lenglet F. La fin de la mondialisation. Paris : Fayard, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/mondialisation-est-elle-vraiment-finie-francois-lenglet-et-alexandre-delaigue-859347.html> (дата обращения: 12.01.2018).

Les ressources naturelles, un bien commun? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repid.com/Les-ressources-naturelles-un-bien.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Valle A del. La mondialisation en question et le destin de l'Occident // Géoeconomie. 2014. Nr. 5 (Nr. 72). Pp. 29–48.

Weinberg A. Mondialisation, acte II // Sciences humaines. 2017. Nr. 3 (290). P. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/magazine-sciences-humaines-2017-3-page-2.htm> (дата обращения: 11.01.2018).